

Протасова Елена Владимировна

канд. пед. наук, доцент

Соликамский государственный педагогический институт (филиал)

ФГБОУ ВО «Пермский государственный

национальный исследовательский университет»

г. Соликамск, Пермский край

DOI 10.31483/r-97528

**ВСЕОБУЧ 1930-Х ГОДОВ В УРАЛЬСКИХ ШКОЛАХ:
ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОЕКТА**

Аннотация: публикация является частью исследования по изучению региональной истории учительства. Предметом анализа выступает опыт осуществления всеобуча в уральских школах в период «культурной революции». На основе документальных источников и материалов экспедиционной работы в Пермском крае представлены социальные и образовательные практики реализации государственного проекта, формы воспитания детей в период 1930-х годов, способы вовлечения школьников в общественную деятельность, спорт и массовую культуру.

Ключевые слова: региональная история учительства, советская школа 1930-х годов, всеобщее обучение, практики обучения и воспитания, историко-документальные источники, ценности педагогики и образования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00332 «История учительства на Урале: социокультурный опыт и современность».

В период 1930-х годов окончательно складывается устойчивая и вписанная в жизнь страны система школьного образования. Отход от педагогических инноваций предшествующего периода выразился в принятии цикла партийно-правительственных постановлений. Они касались стандартизации программ и учебников, введения единого режима занятий, переводных экзаменов, возвращения практики классного руководства. Развернулась кампания по реформированию исторического и географического образования, созданию соответствующих

«духу времени» учебников, введению Конституции СССР в качестве самостоятельного предмета. Как и по всей стране, в Уральской области вводились всеобщее обязательное начальное обучение и всеобщее семилетнее обучение в промышленных городах, фабрично-заводских районах и посёлках.

Цель статьи – анализ социальных и образовательных практик реализации всеобуча в уральских школах в период 1930-х годов. Публикация является частью исследования по региональной истории учительства и связана с поиском ответов на следующие вопросы:

1. Какими способами решались основные проблемы всеобщего обучения в период 1930-х годов в уральских школах?
2. Какие практики были использованы в условиях форсирования темпов «культурной революции»?
3. Какие формы обучения и воспитания нашли своё продолжение в последующие периоды истории?

В качестве источников используются документы архивов Пермского края, воспоминания учителей и выпускников уральских школ, данные историко-педагогических экспедиций автора.

Анализ документальных материалов показал, что осуществление школьного всеобуча оказалось крайне сложным государственным проектом. Сказывались низкий жизненный уровень населения, удалённость школ от мест проживания детей, удерживание несовершеннолетних на колхозных работах и в леспромхозах. Уральский регион нуждался в большом количестве учителей, в открытии новых образовательных учреждений, в создании их материальной базы [19]. Однако в условиях жёсткого государственного контроля над системой образования началось форсированное введение всеобуча. Школе вменялось в обязанность воплощение в жизнь лозунга борьбы за социалистическое строительство в темпах первых пятилеток.

В школах работали педагоги, окончившие дореволюционные учебные заведения, прошедшие Гражданскую войну и службу в Красной Армии в 1920–1930-е годы, начинающие учителя – выпускники уральских педагогических

2 <https://phsreda.com>

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

техникумов и вузов. Руководителей образовательных учреждений отличала убеждённость, умение избрать пути достижения цели, педагогический и организаторский талант. Именно таким предстаёт Константин Артемьевич Девятков, первый директор Красновишерской школы №1, чьи заслуги в развитии народного образования в довоенный период и после Великой Отечественной войны признаны государством и широкой педагогической общественностью [7].

Для решения кадрового вопроса, как пишет М.В. Попов в статье, посвящённой школьному всеобучу и педагогическому образованию в Свердловске в первой половине 1930-х годов, партийно-государственные органы использовали административные меры и общественную инициативу. На педагогическую работу было мобилизовано грамотное население, имеющее образование в объёме школы-семилетки. Педагогическая подготовка необходимого количества кадров осуществлялась через краткосрочные курсы [14, с. 274–275].

В практику вошло выдвижение учителей на преподавание русского языка и математики, которые после прохождения курсов назначались в школы. Центрами методической работы с учительством были определены лучшие образовательные учреждения городов и районов области, опыт которых служил для массового учительства организационно-методическим ориентиром. Из числа самых квалифицированных предметников назначались старшие учителя [9, л. 28].

В связи с недостатком школьных зданий занятия проводились в две и три смены. Развернулось школьное строительство, единственную помощь в котором оказывало население. В сельской местности, по возможности, старались наладить подвоз детей из дальних деревень. Выпускница Бажинской семилетней школы Юсьвинского района Евдокия Спиридововна Осипова (1932 г.р.) вспоминала, что в их школе были сделаны полати для тех, кто ходил на уроки за пять-шесть километров, и в мороз дети оставались ночевать в школе. В этой же школе, как и во многих других, старались обеспечить детей горячим питанием, которое готовили в больших котлах, используя овощи, заготовленные грибы, ячневую крупу [19].

При школах открывались интернаты, в которых дети могли жить в течение рабочей недели. Об одном из них вспоминают выпускники чусовской школы №75, которые отмечают, что многое в жизни интерната держалось на самоорганизации и взаимопомощи. Действовал совет старшеклассников, было организовано соревнование за чистоту и порядок, выпускались стенгазеты. Ребята заготавливали дрова для печного отопления, распиливали их, кололи и складывали в поленницы. Девочки приобретали навыки вязания, вышивания, шитья на ножной машинке. Друг у друга учились играть на музыкальных инструментах – баяне, гитаре и балалайке. Старшие помогали младшим в выполнении домашнего задания, в подготовке концертов для клубов, железнодорожного депо, бригад кондукторов, в посадке в поезд на многолюдной станции во время отъезда домой на выходные [8, д. 14, л. 21–22].

В беседах с жителями Пермского края, чьё школьное детство пришлось на предвоенные годы, отчётливо прослеживается общая ситуация материальной необеспеченности семей, когда ни социальные, ни национальные различия в обществе детей особой роли не играли – все были одинаково бедные. В школу зачастую ходили в одежде, перешитой из старых вещей, у многих отсутствовала зимняя обувь; на ватную телогрейку, резиновые сапоги или бурки некоторые дети зарабатывали самостоятельно [19].

В школах создавались комитеты содействия малообеспеченным семьям и фонды всеобуча, поддерживаемые промышленными предприятиями, органами власти на местах, общественными организациями. Помощь нуждающимся семьям оказывали органы ВКП (б) и ВСКСМ, роль которых в изучаемый период была действительно существенной. Устраивались субботники, платные концерты, танцевальные вечера, спектакли для населения, сбор от которых шёл в фонд всеобуча. В школах проводились выплаты единовременных пособий нуждающимся семьям [там же].

Самые острые проблемы тех лет, связанные с отсевом детей из школы и второгодничеством, обсуждались на учительских курсах [3]. В качестве единственного средства борьбы за всеобуч буквально внедрялось социалистическое

соревнование. Обращалось внимание на конкретные практические дела школьников I ступени, связанные с их участием в хлебозаготовках, работой по повышению урожайности, сбором утильсырья, содействием в распространении займов. Предписывалось шире использовать метод проектов, детскую стенгазету, пионерскую печать. Для педагогов разрабатывались конкретные рекомендации по политическому, антирелигиозному и интернациональному воспитанию, выявлению идеологии детей и изучению их социально-бытовой среды, осуществлению политехнического воспитания. Предлагалось использовать передовой педагогический опыт, в частности, разработанный для станции социального воспитания на фабрике Трёхгорной мануфактуры в Москве [там же].

В рекомендованной учителям литературе в материалах «В помощь учителю I ступени» (1930 год) среди работ педагогов названы статьи и труды народного комиссара просвещения Андрея Сергеевича Бубнова, деятелей социальной педагогики Марии Васильевны Крупиной и Виктора Николаевича Шульгина, теоретика и практика политехнического образования Моисея Михайловича Пистрака, педагога-экспериментатора, создавшего Первую опытную станцию Наркомпроса Станислава Теофиловича Шацкого [3, с. 52–53]. 1930-е годы круто изменят судьбы известных педагогов, как и тысяч уральских учёных и учителей, отстранённых от работы, обвинённых в контрреволюционной деятельности, сосланных в лагеря, приговорённых к высшей мере «советского правосудия».

Как отмечают педагоги изучаемого периода, дети соревновались по успеваемости, по дисциплине, по выполнению общественных поручений. Соревнование по учёбе направляли учебные комитеты, состоящие из школьников-активистов, которые проверяли успеваемость, прикрепляли сильных учеников к отстающим, вызывали неуспевающих на общешкольные заседания бригадиров и звеньевых. Примером для подражания являлись стахановцы, о темпах работы которых – «Ни одной минуты даром» – ученикам напоминали и в тех случаях, когда вызывали к доске [8, д. 46, л. 12–15]. Борьба за всеобуч усиливалась различными организационными формами. Например, пятидневками, неделями и месячниками всеобуча, политическими боями за выполнение решений партии и

академическими боями по пройденному материалу [9, л. 27]. В газетах публиковались призывы ширить социалистическое соревнование школьников [2].

Учащиеся принимали индивидуальные обязательства. Один из таких документов «Самообязательство» на октябрь-ноябрь 1938 года сохранился в личном архивном фонде Фаины Михайловны Норовой. Десятиклассница обязуется не иметь плохих отметок, не допускать прогулов и опозданий, выполнять домашнее задание, хорошо дежурить в классе, бережно относиться к социалистической собственности, подготовить к XX годовщине ленинско-сталинского комсомола не менее 2 учащихся в члены ВЛКСМ. Классным руководителем сделана запись об общем характере обязательств, за исключением пункта подготовки учеников в комсомол, и необходимости их конкретизировать [10, д. 33].

Известно, что попытка внедрить социалистическое соревнование как метод решения всех задач учебной и общественной работы не принесла ожидаемого результата. Формализм метода, соревнование детей и учителей за показатели в учёбе, постоянное сравнение «лучших и худших», публичное представление информации и критика зачастую сказывались на психологической атмосфере образовательных учреждений. В ходе школьных реформ в период Великой Отечественной войны было запрещено проведение социалистического соревнования по учёбе. В несколько изменённом виде самообязательства и отчёты по ним позже использовались в форме Ленинских зачётов старшеклассников.

Администрации школ предписывалось проведение проверки выполнения закона о всеобуче и возвращение детей конкретных районов в образовательные учреждения. С этой целью создавались бригады из учителей и родительского актива, которые ходили по домам и убеждали в необходимости обязательного обучения. Школьники возвращались в тот класс, где они учились, или в предыдущий; не обучавшихся детей зачисляли в 1 класс. На лиц, имеющих детей школьного возраста, но не выполнявших закон о всеобуче, следовало предоставлять материалы в исполнительные комитеты для привлечения к строгой ответственности [9, л. 28–29].

Постоянным предметом контроля отделов народного образования было качество знаний учащихся. Исходя из особенностей предмета, разрабатывались конкретные меры по улучшению успеваемости. Так, директорам и завучам чусовских школ следовало взять под контроль преподавание русского языка и проверку учителями тетрадей учащихся, поставить на учёт всех безграмотных учеников, выявить типичные ошибки и организовать дополнительные занятия, использовать часы тех дисциплин, которые не велись в школе, для уроков русского языка, установить единую форму подписи тетрадей, вводить в школах ежедневные 5–10 минутные каллиграфические упражнения [9, л. 28].

В осуществлении всеобуча широко использовался такой инструмент государственной власти, как газета, оказывающая сильнейшее влияние на массовое сознание людей. На страницах региональных изданий констатировались недочёты осуществления всеобуча: отмечалось невнимание к пропаганде политических вопросов среди населения, подчёркивались слабая работа по изучению передового опыта и формализм в преподавании. Публичной критике подвергались педагоги и администрации школ. Назывались фамилии родителей, чьи дети не посещают школу, публиковались призывы к ответственности и предупреждения о принятии мер. К борьбе за знания привлекались дети, в заметках которых, зачастую отредактированных, подчёркивалось значение коллективизма, использовались речевые штампы советской эпохи, воспроизводились желательные модели поведения и обязательства [16].

Для усиленного воздействия использовались хлёсткие заголовки, обвинительное содержание, пристыживание, категоричные предписания. В качестве примера приведём две заметки: «Оппортунистической недооценке школьной работы дать решительный отпор» и «В школе 1-й ступени работа поставлена на самотёк» из газеты «Красная Вишера». В первой публикации критикуются хозяйствственные организации, которые, «невзирая на постановление ЦК, до сих пор не повернулись лицом к школе». Им предписывалось немедленно создать условия для работы школы, оборудовать кабинет по труду, организовать горячие

завтраки, закончить ремонт Дома учителей, улучшить бытовое обслуживание педагогов.

Во второй заметке объектом критики выступает администрация школы, которая не подготовила образовательное учреждение к 1933–1934 учебному году. Констатируются антисанитарное состояние помещения, необеспеченность учебниками, отсутствие планов работы, нарушение трудовой дисциплины, неоказание помощи малообеспеченным детям. За предъявлением фактов и их оценкой следует призыв: «Администрации школы надо покончить с бесхозяйственностью и самотёком и немедленно приступить к ликвидации недостатков» [19].

Определяющим условием всеобуча являлась школьная дисциплина. С педагогами городских и сельских школ проводились совещания по укреплению сознательной дисциплины учащихся. В газетах освещался опыт решения проблемы классными руководителями, завучами, директорами [1; 20]. Ученикам объявлялись дисциплинарные взыскания за грубость, опоздания, нарушение правил внутреннего распорядка, пропуски уроков, непосещение школы. В качестве дисциплинарной меры применялось исключение из школы на определённый срок или без права восстановления. Поводом для исключения из школы могло послужить «систематическое хулиганство и составление контрреволюционных песен» [6, с. 77]. Распространённой практикой стала «проработка» учеников на уроках, групповых собраниях, общешкольных мероприятиях, дисциплинарных линейках.

Один за другим в книгах приказов 1930-х годов следуют записи о наказании учителей с типичными формулировками: вычесть из заработной платы, объявить выговор с занесением в личное дело, уволить с занимаемой должности. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года педагоги привлекались к судебной ответственности за опоздания на работу [19]. Особую тревогу вызывали политические мотивы поступков, которые рассматривались как влияние на детей «антипартийных контрреволюционных элементов» [6, с. 73–73 об.]. Учителя обвинялись в попытках привития в школе «контрреволюционной, антиленинской теории отмирания школы и снижения роли

учителя». Педагогов-спецпоселенцев, которых было немало в Верхнекамском регионе, попавших под недоверие, увольняли из школы [6, с. 11 об.; 19].

Как отмечают М.В. Попов и Э.Е. Протасова в статье «Репрессивная политика советской власти в отношении уральского учительства в 1930-е гг.», благонадёжность учителя определялась неуклонным выполнением партийно-государственных требований. По мнению авторов, полоса беззакония имела отрицательные последствия для образования на долгие годы. Трудности в выполнении задач всеобуча объяснялись происками классовых врагов, что привело к репрессиям руководителей народного образования и рядовых учителей. Страх, пережитый в эти годы, привёл к недоверию и подозрительности людей друг к другу, доносительству, деформации психологии не только педагогов, но и учащихся, искоренению уважения к человеку как личности [15].

Динамика образовательной политики включала организацию допризывной военной подготовки выпускников. Физическому воспитанию и формированию духа убеждённости способствовали военизированные игры, спортивные секции, массовые праздники и соревнования. Зимой школьники совершили длительные лыжные переходы. Так, студенты педагогического училища и ученики средней школы Чердыни совершили лыжный переход Чердынь – Ныроб – Чердынь, во время которого вели разъяснительную работу с населением по Всесоюзной переписи 1939 года и проводили вечера самодеятельности [11]. В период летних каникул школьники совершали длительные туристические походы.

Преподаватель военного дела и физкультуры Николай Васильевич Лебедев вспоминает, что в чусовской школе №75, где он работал, существовала первичная организация Осоавиахима, которая готовила значкистов ГСО (готов к санитарной обороне), ПВХО (готов к противовоздушной и противохимической обороне), ВС (Ворошиловский стрелок). Школьники занимались в стрелковой, легкоатлетической, гимнастической, волейбольной, жонглёрно-акробатической секциях. Необходимый спортивный инвентарь приобретался или изготавливался самими школьниками на детской технической станции.

Самой многочисленной была лыжная секция, команда которой занимала призовые места на городских соревнованиях и среди школ Пермской железной дороги. Лыжниками проводились походы в подшефную деревню, где была начальная школа и лесозаготовительный участок. В воскресные дни 25–30 школьников, преодолевая расстояние в 25 км, доходили до деревни, проводили спортивные мероприятия и поздно вечером возвращались домой. В зимние каникулы 1941 года ими был совершён лыжный переход Чусовая – Пермь. Расстояние в 130 км старшеклассники преодолели за 17,5 ходовых часов и приветствовали учительскую конференцию в областном центре [8, д. 14].

Увлечению спортом способствовали физкультурные базы, создаваемые в уральских городах. Как пишет Глеб Михайлович Норов, спортивный комплекс в шахтёрском городе Кизеле включал футбольное поле с трибунами, две волейбольные площадки, парашютную вышку, пятиметровую вышку для прыжков в воду, лыжную трассу, лодочную станцию и многое другое. Работал планерный клуб, что в то время было новым и интересным. После обучения в нём можно было поступать в авиационное училище, что было мечтой многих подростков. Во время спортивных праздников играл духовой оркестр, проходили различные выступления и соревнования, желающие прыгали с парашютом. Кульминацией одного из таких праздников был футбольный матч, когда уральцы встретились с московской командой «Красное знамя» [10, д. 59, л. 5–6].

В школах работу с пионерами активно проводили комсомольцы. Анна Дмитриевна Вилесова, посвятившая работе с пионерами более 25 лет, вспоминает, что после вступления в комсомол в 8 классе её выдвинули в отрядные вожатые. В 1938 году она начала работу с пятиклассниками, в которой особое внимание уделялось успеваемости и политическому воспитанию. К пионерским сбоям делали фотомонтажи и тематические альбомы (сопка Заозёрная, озеро Хасан и другие). Подготовленный материал показывали по звеньям, между которыми проводилось соревнование. На сборах устраивались массовые игры, танцы, спортивные состязания. В годы войны после проведения конференции по

книге А.П. Гайдара в школе, как и по всей стране, развернулось тимуровское движение [8, д. 30, л. 1–8].

Кроме обязательных кружков военно-патриотической подготовки, создавались рукодельные, драматические, географические, шахматные и другие объединения. Большой популярностью пользовались хоровые выступления детей. Как пишет Ольга Степановна Чернова, в пятом классе учитель пения Александра Николаевна Деменева терпеливо проверяла их голоса. Каждый пел по куплету выбранной песни, после чего некоторым школьникам предлагалось участие в хоре. Запомнившимися постановками стали детские оперетты «Кто не работает, тот не ест», «Грибной переполох», композиция «Книга о детях-героях». В школе был организован и шумовой оркестр, в концертах которого использовались народные инструменты. Большую помощь детской самодеятельности оказывали учителя, родительский актив, артисты, приезжавшие на гастроли в уральские города [8, д. 39, л. 3].

Практики воспитания носили общественный и массовый характер. Пионеры участвовали в городских митингах, посвящённых пуску уральских промышленных предприятий и отправке их первой продукции в Москву. В 1940 году школьники трёх областей – Молотовской, Свердловской и Челябинской – создавали коллективную книгу об Урале. Детям предлагалось прочитать план книги в областной газете «Большевистская смена», дополнить его и написать о родном крае, его природе, промышленности и сельском хозяйстве, вызвав на соревнование учеников соседнего района [5; 12].

Во время летнего отдыха в пионерских лагерях также использовалось социалистическое соревнование детей, выпуск стенгазет, проведение военизированных игр и походов, организация бесед о международном положении, сдача норм на оборонные значки, выступления художественной самодеятельности [17]. На областных детских художественных олимпиадах школьники представляли творческие работы и фотографии [4]. Лучшие пионеры Молотовской области летом 1940 года были награждены поездкой на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, где знакомились с достижениями советских школьников в сельском

хозяйстве в павильоне «Юных натуралистов». Событиями для детей во время поездки стало посещение мавзолея Ленина, парка Горького, Третьяковской галереи [18].

Школьники принимали участие в популяризации военной литературы, в работе общества «Красный крест», в деятельности «Международной организации помощи борцам революции». И дети, и педагоги откликались на международные события, предшествующие Второй мировой войне. Так, во время Гражданской войны в Испании после поджога и потопления советского теплохода «Комсомолец» уральцы участвовали в массовой кампании сбора средств в помощь Испанской республике [13].

20 июня 1941 года в городе Молотове состоялась первая областная научно-практическая конференция [9, л. 29]. Через день её участники-мужчины отправляются в военкоматы и призывные пункты, как и выпускники школ, для которых война станет тем жизненным опытом, где критерием оценивания себя и действительности будет ценность жизни. Намеченные контуры образовательной политики получат дальнейшее развитие в годы Великой Отечественной войны, когда всецело будет востребован опыт патриотического воспитания, идейной убеждённости и организаторского мастерства.

В заключение отметим, что в реалиях 1930-х годов были неразделимы разные способы и практики выполнения государственного плана школьного всеобуча. И действительно созидательные по своей сути, связанные с социальной активностью детей и педагогов, и основанные на манипулировании страхом унижения и отделения человека от социальной среды. Школа довоенной поры отразила всю противоречивость общественной системы, частью которой она являлась. С одной стороны, жёсткий контроль над системой образования позволил ускорить темпы всеобуча, расширить школьную сеть, подготовить поколение выпускников, с другой стороны, школа в полной мере ощутила влияние тоталитарной идеологии с её агрессивностью, не терпящей отступлений от установок партийно-государственного руководства.

Список литературы

1. Авторитет классного руководителя // Соликамский рабочий. – 1941. – 9 января. – №7 (594) // Муниципальное бюджетное учреждение «Архив Соликамского городского округа» (АС). Ф. 275.
2. Антипина Ф. Ширить социалистическое соревнование школьников / Ф. Антипина // Соликамский рабочий. – 1940. – 22 ноября. – №255 (555) // АС. Ф. 275.
3. В помощь учителю школы 1-й ступени: материалы окружных учительских курсов 1930 года / под ред. И.Н. Казанцева. – Соликамск, 1930 г. // Из фондов МБУ «Чердынский краеведческий музей имени А.С. Пушкина» (ЧКМ).
4. Журавлёв Д.М. Областная детская художественная олимпиада / Д.М. Журавлёв // Северная коммуна. – 1937. – 6 января. – №3 (797) // Из фондов ЧКМ.
5. Климов А. Создадим интересную книгу уральских ребят! / А. Климов // Соликамский рабочий. – 1940. – 26 марта. – №58 (358) // АС. Ф. 275.
6. Книга приказов №1 Косинской школы колхозной молодёжи Коми-Пермяцкого округа. Начата: сентябрь 1932 г. Закончена: ноябрь 1937 г. Подлинник. Рукопись // Архив МБОУ «Косинская средняя общеобразовательная школа».
7. Личный фонд Девяткова Константина Артемьевича, директора Красновишерской школы №1, отличника народного просвещения, заслуженного учителя школы РСФСР. Дела 1–48 за 1931–1982 гг. // Архивный отдел администрации Красновишерского городского округа. Ф. 125. Оп. 1.
8. Личный фонд Исаковой Параковьи Кузьминичны, учителя истории Чусовской школы №75 (25), заслуженного учителя школы РСФСР. Дела 1–66 за 1930–1998 гг. // Муниципальное бюджетное учреждение «Архив Чусовского городского округа» (АЧ). Ф. 142. Оп. 1. Д. 14; Д. 30. Л. 1–17; Д. 39. Л. 3; Д. 46. Л. 12–15.
9. Личный фонд Куренных Александра Андреевича, заведующего Чусовским отделом народного образования, отличника народного просвещения, заслуженного учителя школы РСФСР. Дела 1–49 за 1928–2008 гг. // АЧ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2. Л. 27–29.

10. Личный фонд Норовой Фаины Михайловны, учителя иностранного языка Кизеловской школы №1 имени А.С. Пушкина, отличника народного просвещения, ветерана труда. Дела 1–142 за 1872–2007 гг. // Муниципальное казённое учреждение «Архив города Кизела». Ф. 100. Оп. 1. Д. 33; Д. 59. Л. 5–6.
11. Лыжные переходы Чердынь – Ныроб – Чердынь // Северная коммуна. – 1939. – 17 января. – №7 (1073) // Из фондов ЧКМ.
12. Ощепкова А.И. Школьники об Урале / А.И. Ощепкова // Соликамский рабочий. – 1940. – 18 октября. – №227 (527) // АС. Ф. 275.
13. Петухов. На счет №159999 / Петухов // Северная коммуна. – 1937. – 9 января. – №4 (798) // Из фондов ЧКМ.
14. Попов М.В. Школьный всеобуч и педагогическое образование в Свердловске в первой половине 1930-х гг. / М.В. Попов // Педагогическое образование в России. – 2013. – №6. – С. 274–283.
15. Попов М.В. Репрессивная политика советской власти в отношении уральского учительства в 1930-е гг. / М.В. Попов, Э.Е. Протасова // Педагогическое образование в России. – 2017. – №7. – С. 6–14.
16. Протасова Е.В. «По социалистическому пути»: советская история детства в краеведческих архивных материалах / Е.В. Протасова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2012. – №9. – С. 116–127.
17. Соломахин Т. На берегу красавицы Камы / Т. Соломахин // Соликамский рабочий. – 1940. – 10 июля. – №142 (442) // АС. Ф. 275.
18. Чешуина В. Памятные дни // Соликамский рабочий. – 1940. – 14 ноября. – №248 (548) // АС. Ф. 275.
19. Экспедиционные материалы автора: документальные источники и воспоминания педагогов Пермского края / авт.-сост. Е.В. Протасова. 2007–2019 гг.
20. Январские совещания учителей // Соликамский рабочий. – 1941. – 9 января. – №7 (594) // АС. Ф. 275.